

УДК 304

Л.В. Константинова

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ
СООТВЕТСТВИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ, ПРАКТИЧЕСКИХ
И ДИСКУРСИВНЫХ ПАРАМЕТРОВ**

Рассматриваются проблемы и противоречия процессов трансформации социальной политики в современном российском обществе, происходящие на институциональном, поведенческом и теоретическом уровнях, выявляются особенности взаимовлияния этих уровней в контексте формирования новой модели социальной политики, предлагается концептуальная схема анализа социальной политики как социетальной системы в предметном поле социологической науки.

Ключевые слова: система социальной политики, модель социальной политики, институциональные преобразования социальной политики, дискурсивное пространство социальной политики.

Особенности реализации социальной политики в современной России выражаются в процессах ее кардинальной трансформации, в выборе и апробации наиболее эффективной модели. Эти процессы осуществляются интенсивно, болезненно и противоречиво, так как связаны с переходом от государственной социальной ответственности к социальной ответственности индивидуального и смешанного типа. Одна из основных проблем преобразований, идущих сегодня в отечественной социальной политике, проблем системного характера – внутренняя противоречивость и несогласованность институциональных, поведенческих, социально-культурных и дискурсивных компонентов. Оптимальная же, устойчивая система социальной политики предполагает соблюдение принципов антропосоциетального соответствия и социально-культурного баланса, которые означают совместимость личностно-поведенческих и институциональных характеристик общества, а также динамическое равновесие между культурными и социальными компонентами. Реализация этих принципов обеспечивает не только осуществление интегративной функции социальной политики, но и наличие идентификационного соответствия внутри данной системы, выражающегося в том, что социальные акторы (носители социальных потребностей и социальной активности) идентифицируют себя с конкретной моделью социальной политики и действуют в соответствии с принятыми в ее рамках правилами взаимодействия. Данное соответствие может сохраняться либо нарушаться в момент институциональной трансформации системы социальной политики.

В результате указанной несогласованности размываются идентичности, теряют устойчивость и социальную эффективность традиционные способы регулирования социальных отношений и социальных неравенств, что составляет суть социальной политики. В результате траектории социальной мобильности приобретают центробежную направленность. Это приводит к де-

структивным преобразованиям в социальной структуре общества, что и наблюдается в реальности.

Реформирование институтов социальной политики, осуществляемое в нашем обществе, является одной из цепей общемировых процессов институциональной модернизации. Мы являемся свидетелями того, как современный мир стремительно превращается в обновленное социальное пространство, где в условиях фундаментальных трансформационных процессов, связанных одновременно с глобализацией и индивидуализацией жизненных практик, с размежеванием и взаимопроникновением культурных форм, с изменением и усложнением контекстов социального неравенства, принципиально меняется характер функционирования и взаимодействия традиционных социальных институтов. И в первую очередь речь идет о социообразующих институтах, таких как государство, семья, гражданское общество. Следствием трансформации данных институтов является выстраивание новых контекстов их взаимодействия в рамках социальной политики.

Сегодняшний процесс формирования российской модели социальной политики находится под влиянием перечисленных тенденций, поэтому связан с децентрализацией социальной политики и переходом ее к полисубъектности (перераспределением социальных полномочий и ответственности как по вертикали, так и по горизонтали). Этот процесс осуществляется в двух встречных направлениях – «сверху», с федерального уровня, где задаются общие стратегии, и «снизу», с уровня конкретных территорий (регионов, муниципальных образований, сообществ), где осуществляется преломление заданных стратегий с учетом местной специфики и потенциала. Для выстраивания общероссийской социальной политики необходима координация этих потоков, что требует их выявления и исследования по существенным параметрам. Если «сверху» задаются институциональные преобразования социальной политики (концепции реформ, законы, перераспределение полномочий, реорганизации финансовых потоков, управленческих структур, организационные, функциональные перестройки в системе управления социальной сферой), то «снизу» осуществляется их преломление на уровне поведения конкретных акторов (работников местных органов власти, социальных служб, населения), с учетом их специфики (социальной, культурной, ценностной, поведенческой и т.д.). Траектории российской модели социальной политики вырисовываются на пересечении этих потоков и обнажают существующую взаимозависимость между институциональными и поведенческими (интеракционистскими) параметрами социального реформирования.

Вообще в период кардинальных реформ, с одной стороны, обнажаются известные социальные закономерности, взаимозависимости, детерминанты социальных процессов и, с другой стороны, обнаруживаются новые тенденции и взаимосвязи, еще только требующие социологической интерпретации. Сегодняшнее пространство реформ социальной политики позволяет в полной мере использовать потенциал интегративной социологической методологии, где сочетаются и макросоциологический подход (структурно-функциональный, институциональный анализ), и принципы микросоциологии (интеракционизм, анализ повседневности, социальная антропология и т.д.). В полной

мере действует теория структуризации Гидесса, позволяющая фиксировать постоянно воспроизводящиеся процессы взаимовлияния институтов и практик в ходе их динамической трансформации.

Используя такую интегративную методологию, обозначим некоторые, как представляется, существенные проблемы, возникающие на пересечении институтов, практик и дискурсов социальной политики в период ее реформ.

Институциональные преобразования социальной политики, задаваемые на общегосударственном уровне, в основном носят либеральный характер и предполагают минимизацию непосредственной государственной ответственности и ее перераспределение в пользу негосударственных, в большей части рыночных субъектов. Основные принципы организационных реформ в социальной сфере – децентрализация и полисубъектность.

Формирование новой модели социальной политики сопровождается существенными изменениями в сфере социальной деятельности государства. Учитывая то, что в советское время в нашем обществе была сформирована вполне определенная и устойчиво функционирующая модель социального государства, а именно патерналистская модель, сегодня речь, скорее всего, может идти о ее принципиальном видоизменении. Аналогично общемировым тенденциям институциональной трансформации государства всеобщего благоденствия видоизменения российского социального государства могут быть обозначены как процессы его неизбежной модернизации.

В качестве основных направлений такой модернизации могут быть названы следующие: существенное изменение роли и способов взаимодействия государства с обществом; сокращение и видоизменение социальных функций государства; трансформация способов государственного вмешательства и регулирования социальных отношений; децентрализация социальной политики; институциональные, организационные, структурно-функциональные преобразования в системе органов государственного и муниципального управления социальной сферой.

Следуя логике либерализации социальной политики в идеале изменения социальной роли государства в обществе, прежде всего, должны быть связаны с отказом от патернализма, отменой государственной системы уравнительного распределения материальных и социальных благ, а также системы централизованного планирования и управления отраслями социальной сферы. Процессы либерализации социального государства должны сопровождаться не только сужением его социальных функций и зоны социальной ответственности, но и одновременным воссозданием частных и общественных инициатив в социальной сфере. В области регулирования социальных отношений и производства социальных услуг государство должно пытаться занять партнерские позиции наряду с ее «молодыми» негосударственными субъектами и тем самым распределить центры власти и ответственности между институциональными структурами общества по горизонтали и по вертикали. Должна измениться и роль государства как основного института социального вспомоществования. Система всеобщего гарантированного социального попечительства должна трансформироваться в систему адресной социальной помощи, основанной на принципах государст-

венных гарантий минимальной социальной обеспеченности. В то же время предельно сокращаются масштабы вмешательства государства в процессы регулирования доходов и заработной платы, а также в процессы занятости и трудоустройства населения, особенно в негосударственном секторе. Государство в целом отказывается от позиций монополиста в социальной сфере, активно допускает в зону совокупной социальной ответственности возможных конкурентов, старается «свернуть» масштабы пассивной социальной политики до уровня минимального социального государства, исповедующего ценности субсидиарной ответственности.

Изменяющаяся социальная роль государства в обществе сопровождается трансформациями в системе способов государственного вмешательства. Прямое и жесткое управление социальными процессами и отношениями сменяется косвенным регулированием, направленным не на непосредственное воздействие на объект управления, а на формирование среды, активизирующей негосударственную социальную ответственность, расходы инициативы и инвестиции.

В значительной части данные институциональные преобразования имеют место в России. В целом общее пространство социальной политики в России является сегодня активно формирующимся и пульсирующим, где отчетливо прослеживаются следующие тенденции: существенное изменение роли государства и органов местного самоуправления в осуществлении социальной политики, сокращение масштабов государственного вмешательства в социальную сферу; формирование частного сектора социальных услуг; изменение социальной позиции семьи и личности, постепенное увеличение доли ее социального участия и ответственности; предельное сокращение социальной сферы предприятий и их доли в реализации социальных обязательств; увеличение роли «третьего сектора» в осуществлении социальной политики. Суммируя, можно сказать, что результатом таких институциональных трансформаций социальной политики явилось сокращение государственной и корпоративной социальной ответственности при определенном росте социальной ответственности общественного сектора и семьи. Однако сокращение социальных обязательств государства и предприятий не компенсируется в полном объеме приращением социальных возможностей некоммерческого сектора и индивидов. Обширный спектр традиционных социальных обязательств и вновь воспроизводящихся социальных потребностей оказывается вне зоны реализации и удовлетворения, формируя вакуум социальной ответственности и приводя к росту социальных патологий и напряженности.

В сравнении с задаваемой моделью, в реальности же трансформации государственного участия в осуществлении социальной политики носят внутренне противоречивый и половинчатый характер. Государство, с одной стороны, пытается отдать большую часть своих функций и полномочий, но не может это сделать в полной мере в силу неразвитости негосударственных институтов социальной политики и слабости семьи как субъекта социальной политики, в силу глубоких традиций сильной государственности, централизации власти, региональной раздробленности и сопротивления чиновничьего аппарата. Эти противоречия содержат все социальные реформы: тенденции

децентрализации полномочий на фоне централизации финансовых потоков; усиливающаяся централизация управления социальной сферой и регулирования общественного сектора. Кроме этого, результатом такой половинчатости явилось достаточно устойчивое закрепление и распространение целой системы нелегитимированных практик и двойных стандартов социальной политики, которые как будто скрытым образом санкционируются государством: теневая занятость и доходы; сокрытие доходов предприятий с целью экономии на социальных платежах на фоне их «квазиактивной» социальной политики; практики давления государства на бизнес и НКО с целью принуждения их к социальной ответственности; неофициальные платежи за социальные услуги; феномен фальшивых льготников; коррумпированность ведомств и учреждений, оказывающих социальные услуги; невыполнение социальных обязательств государством в качестве работодателя. Поэтому можно сказать, что государство на уровне институтов пытается задавать одни (новые) правила игры, но в то же время на практике продолжает во многом играть по другим (старым) правилам. Одним из следствий этого стал так называемый феномен институциональной дифференциации социальной сферы (разделение профильных институтов социальной сферы на элитные и массовые – образование, здравоохранение, сфера досуга, туризма), обострилась проблема доступа к качественным социальным услугам, что привело к увеличению социального неравенства.

Процессы перераспределения социальной ответственности на институциональном уровне неоднозначно отражаются на уровне социальных практик и культурных образцов населения. Так, например, можно зафиксировать нарушение соответствия между поведенческими стратегиями, нормативными установками, актуализированными потребностями граждан и задаваемыми структурно-организационными преобразованиями социальной политики. Результаты социологического исследования (анкетный опрос населения г. Саратова на основе квотной многоступенчатой выборки объемом в 417 человек по проблемам трансформации социальной политики в современном российском обществе) свидетельствуют, что нормативно-ценностные установки большей части населения относительно изменений социальной политики противоречат ее политически задаваемым трансформациям. Выявляется значительная несогласованность между социальными ожиданиями граждан и выбранными стратегиями перераспределения социальной ответственности в структуре ее субъектов: 66,4% опрошенных считают, что большую долю ответственности за социальное благополучие граждан должно нести государство, 5,3% – предприятия-работодатели, 2,6% – семья, 1,2% – общественные организации, 7,7% – каждый сам за себя и 14,4% – все в равной степени. Таким образом, в плане долженствования государство позиционируется большей частью граждан как основной и единственный субъект социальной политики на фоне низкой оценки потенциала иных субъектов. Инициация государством либерализации социальной политики не сопровождается адекватными оценочно-поведенческими реакциями со стороны населения. На фоне институциональной трансформации либерального типа, предполагающей наличие свободной, ответственной, инновационно действующей личности,

сохраняется преобладание патерналистско-государственнического типа личности с ограниченным потенциалом ответственности и самоорганизации. Вследствие этого нарушается совместимость личностно-поведенческих характеристик и институциональных преобразований в системе социальной политики.

Результаты исследования фиксируют несоответствие между социальными ожиданиями, нормативными установками населения относительно субъектов социальной политики и реальной практикой ее осуществления, что свидетельствует о нарушении социально-культурного баланса в системе социальной политики (таблица).

Социальная политика	Кто должен нести большую часть ответственности за социальное благополучие граждан в нашем обществе? (%)	Кто реально сегодня несет большую часть ответственности за социальное благополучие граждан в нашем обществе? (%)
Каждый сам за себя	7,7	35
Никто	–	21,8
Государство	66,4	12,7
Семья	2,6	12,5
Все в равной степени	14,4	4,3
Предприятие-работодатель	5,3	4,1
Общественные организации	1,2	1,2
Затрудняюсь ответить	2,4	8,4

В основном социальная политика воспринимается населением как бес-субъектная, социальные ожидания относительно государственных усилий в данной сфере оказываются неоправданными в реальности. Лишь меньшинство идентифицирует себя с либеральной модельной социальной политикой и готово воспроизводить задаваемые ей роли и функциональные взаимодействия. В силу минимизации государственной социальной ответственности семьи, в своем большинстве не обладающие необходимыми возможностями, вынужденно становятся основными субъектами социальной ответственности. На фоне низкого доверия к государственным и негосударственным институтам социальной политики основными источниками дополнительных ресурсов и механизмами социальной поддержки становятся внутри- и меж-семейные сети взаимопомощи. Такая либерализация приобретает характер насильственной, так как обесценивает привычные правила социальных действий, накопленные прежним социальным опытом, и в условиях ограниченности ресурсов формирует общесоциальный травматический синдром и дополнительные источники социального напряжения в системе взаимоотношений государство – общество – личность.

Таким образом, одно из существенных противоречий заключается в том, что при по преимуществу патерналистских настроениях, ожиданиях, архитипических личностных характеристиках в сфере социальной политики получает распространение индивидуализированное поведение вынужденного или псевдолиберального характера. Проблема же заключается в том, что общего социального эффекта в этом случае не возникает, так как такого вида инди-

видуальная социальная ответственность не срабатывает на социальную солидарность и на развитие социальных ресурсов. Можно констатировать, что институты и практики социальной солидарности не возникли в российском обществе за период реформ (за исключением сетевых форм солидарности на микроуровне, не имеющих институциональный характер). Наибольшая социальная нагрузка, наибольшие социальные расходы лежат на наиболее нуждающихся. В то время как даже самая либеральная модель социальной политики, действующая сегодня на Западе, предполагает наличие устойчивых институционализированных форм социальной солидарности на макроуровне (через бюджет, страхование, НКО, корпоративную социальную политику, местное самоуправление).

Что можно сказать о перспективах такой либерализации, учитывая по преимуществу вынужденный характер индивидуальной социальной ответственности и ущербность ее ресурсной базы? Представляется, что противостественное насаждение индивидуальной социальной ответственности не приводит к закреплению ее практик и, как показывают исследования, напротив, детерминирует рост патерналистских ожиданий.

Таким образом, можно говорить: 1) о внутренней противоречивости институциональных преобразований, носящих половинчатый характер; 2) о наличии несоответствий между институтами и практиками в процессе реформирования социальной политики; 3) о необходимости ставить вопрос о социокультурной обусловленности социальной политики, учитывая что каждая из зарубежных моделей имеет свои ментальные основания, этим определяется множественность моделей социальной политики.

Дискурсивное пространство социальной политики является сегодня насыщенным и разнородным, но при наличии многочисленных интерпретаций ее концептуализация не завершена, конвенциональная теоретическая модель не сформирована. Политические (Конституция, ст. 7, программные документы правительства, программы политических партий, роспись бюджетных статей расходов и т.д.), научные и обыденные интерпретации социальной политики в основном воспроизводят патерналистские идеологемы. Либерально ориентированные институциональные реформы оказываются дискурсивно и идеологически неоформленными. Как следствие – противоречие между декларируемой и реальной социальной политикой, что фиксируется во многих исследованиях. Многие направления социальной политики в результате этого приобрели характер ускользающего объекта (семейная, молодежная политика, политика доходов), они декларируются, но в реальности их уловить очень сложно и легче зафиксировать их антипроявления. Кроме этого, дискурс социальной политики находится под сильным влиянием политической риторики, так как тема социальной политики является одной из наиболее эксплуатируемых в политических дискуссиях, особенно в предвыборные периоды, что неоднозначно сказывается на реалиях социальной политики, в связи с излишним популизмом темы. В то же время за годы реформ благодаря нормативному дискурсу социальной политики в России произошло конструирование множества феноменов, которые можно отнести к разряду социальных патологий, например таких, как феномены бедности, безработицы. Конструиро-

вание коснулось и различных социально уязвимых групп (категорий) населения, следствием чего стала их стигматизация, еще больше провоцирующая неравенства. Однако не все асоциальные феномены получили необходимое оформление на уровне нормативного дискурса (социальное сиротство, бездомность), что сдерживает решение этих проблем.

В научном поле разнообразие исследовательских позиций сопровождается методологической неопределенностью и полидисциплинарным дискурсом социальной политики в методологиях различных общественных наук. В практико-ориентированных интерпретациях социальной политики преобладает экономический детерминизм и прагматизм, где социальная политика рассматривается в основном только с точки зрения ее экономических оснований и экономической эффективности. Это ущербно и опасно, так как игнорируются социальные закономерности и детерминанты развития общества. Если в советский период преобладала крайность, когда в угоду социальным целям, целям социального равенства игнорировались и подвергались насильственным изменениям экономические закономерности, то сегодня присутствует крайность другого рода, когда в угоду экономическим целям (развитие рыночных отношений) игнорируются социальные закономерности, касающиеся регулирования социальных отношений, формирования социальной структуры, степени социального неравенства, не говоря уже о детерминантах социально-культурного характера (ментальность, ценности, традиции поведения), которые подвергаются насильственной трансформации. Необходимо иметь в виду, что социальная политика имеет двойной характер эффективности – социальный и экономический. А в управленческом плане основным вопросом организации социальной политики в условиях рыночной экономики является вопрос о нахождении баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью (не говоря уже о социальном развитии). Поэтому только экономическим инструментарием, без привлечения потенциала социологической науки, где как раз возможно исследовать социальную составляющую социальной политики, этот вопрос не решить. В рамках же социологической науки социальная политика пока не достаточно концептуализирована на системном уровне. Поэтому, кстати, в нашем обществе пока не сложилось нового консолидированного представления о социальной справедливости. Наиболее продуктивной в этом плане может оказаться именно социологическая теория социальной политики, позволяющая рассматривать ее сквозь призму соответствий институций, практик и дискурсов на основе интегративной методологии.

В этом плане интересным и позитивным представляется опыт риторики национальных социальных проектов. В достаточно стандартные экономические проекты, связанные с дополнительным финансированием отдельных отраслей социальной сферы, вносится ценностно-идеологическая составляющая, направленная на то, чтобы придать им некий мобилизационный характер. Однако представляется, что такой ценностный и мобилизационный посыл адресован скорее не ко всему обществу, а государственному аппарату, чиновникам различных ведомств и уровней, дабы их экономизированное отношение к социальной политике дополнить социальным и культурным кон-

текстом, повысить ее значимость и приоритетность и преодолеть укоренившееся отношение к социальной политике как к вторичной и затратной сфере, обеспечиваемой ресурсами по остаточному принципу.

В целом же представляется, что социологическая интерпретация социальной политики способна претендовать на комплексный, синтетический анализ социальной политики, так как в сущности социальной политики больше именно социального, нежели экономического или правового, что делает социологическую методологию адекватной для ее концептуализации. Это связано с тем, что непосредственной сферой реализации социальной политики является сфера социального (социальные отношения, социальные неравенства, социальная структура, социальный потенциал и т.д.). Доминантные цели и результаты социальной политики фокусируются именно в этой сфере (цели социальной стабильности, социальной защищенности, социальной безопасности, солидарности, социального развития). При этом экономические, правовые, политические, управленческие составляющие социальной политики чаще выступают в качестве технологических средств, механизмов преобразования социального и не покрывают социальную политику как целостность. Если скоро сфера социального представляет собой предмет социологического знания, то комплексная, центрирующая и смыслообразующая интерпретация социальной политики становится возможной именно в рамках социологической методологии.

В этом плане социологическая теория социальной политики может выступать в двух ипостасях и выполнять две функции: 1) в качестве программного, целеориентирующего, прогностического знания, предстоящего практике и определяющего на методологическом и технологическом уровне параметры ее преобразования (то, о чем мечтал П. Сорокин, говоря о социальной политике как четвертом разделе социологии); 2) в качестве экспертного знания, с помощью которого осуществляется комплексная социологическая экспертиза уже реализуемых практик социальной политики с целью их оценки, выявления скрытых проблем и противоречий и корректировки. Пока потенциал отечественной социологической науки в большей степени задействован на выполнение второй функции. Большое количество исследований социальной политики носят экспертный характер, и в то же время характер постфактум, и в этом смысле оказываются вторичными по отношению к практике, что слабо способствует созданию перспективных концепций и адекватных моделей социального развития. Поэтому поле для развития социологической теории социальной политики достаточно велико, и в этом плане можно предложить несколько исходных методологических положений, которые могли бы лечь в основу теории социальной политики в ее первой ипостаси – в качестве смыслообразующего и целеориентирующего знания.

Социальная политика представляет собой особую функционально значимую сферу социальной деятельности, имеющей своим содержанием регулирование социальных отношений в направлении формирования устойчивой, сбалансированной социальной структуры общества, в результате чего достигается оптимальный уровень социального неравенства, обеспечивается благоприятный социальный климат и формируются необходимые условия для

развития человеческого потенциала. В современных условиях объективный и масштабный характер социальной политики определяется высоким уровнем социальной дифференциации, сложностью социальных отношений, а также выдвижением человеческого капитала на ведущее место в числе факторов общественного развития.

Социальная политика может быть представлена как социетальная система, образующая целостность на основе взаимодействия ее основных элементов – макросубъектов социальной политики – социального государства и социального общества, реализующих всю совокупность социальных обязательств в конкретном обществе. Качественное своеобразие и центрирующая роль социальной политики в рамках функционально недифференцированного общества выражаются в том, что она выступает ключевым фактором его социальной интеграции и социального развития.

В реальности социетальный характер социальной политики воплощается в ее различных моделях – либеральной, корпоративной, солидарной и патерналистской. Данные модели дифференцируются в зависимости от того, какой субъект социальной политики – семья, частный, общественный сектор, корпорации, государство – доминирует в процессе ее реализации, и, следовательно, базовые принципы какого вида социальной ответственности – индивидуальной, коллективной, общественной или государственной – детерминируют процессы регулирования социальных отношений. Социетальный характер модели социальной политики предполагает не только устойчивое сочетание ее основных элементов, но и соблюдение принципов антропосоциетального соответствия и социально-культурного баланса, которые означают совместимость личностно-поведенческих характеристик общества как единства культуры и социальности, а также динамическое равновесие между культурными и социальными компонентами как условие устойчивости системы. Реализация этих принципов обеспечивает не только осуществление интегративной функции социальной политики, но и наличие идентификационного соответствия внутри данной социетальной системы, выражающегося в том, что носители социальных потребностей и социальной активности идентифицируют себя с конкретной моделью социальной политики и принятыми в ее рамках институциональными взаимодействиями. Данное соответствие может сохраняться либо нарушаться в момент институциональной трансформации системы социальной политики.

Если наложить данную концептуальную матрицу на ситуацию в социальной политике современной России, то во многом можно выявить те проблемы, которые были обозначены выше. Что же касается проблемы выбора модели социальной политики для России, то следует понимать, что выбор, концептуализация и устойчивая реализация новой модели социальной политики в России – сложный и длительный процесс, определяемый совокупностью институциональных, поведенческих, социокультурных факторов. В современных условиях он осложняется неустойчивостью экономической и политической систем, разбалансировкой и поляризацией социальной структуры общества и, что не менее важно, отсутствием устойчивости и целостности системы поведения и образа жизни россиян. Ныне в российском обществе

представлены модели, стандарты и стили поведения, унаследованные или заимствованные из разных исторических систем, разных культур, а поэтому слабо совместимые между собой. Именно это позволяет считать нынешний этап в развитии нашего общества переходным, что непосредственным образом отражается и на переходности действующей ныне модели социальной политики.

Результаты проведенного исследования, о котором шла речь выше, позволили выделить в структуре всей совокупности опрошенных наличие сторонников трех основных типологических моделей социальной политики. Подавляющее большинство составили сторонники патерналистской модели социальной политики, видящие в государстве основного и единственного ее субъекта. Вторую по численности группу составили сторонники солидарной модели социальной политики, выступающие за пропорциональное распределение социальной ответственности между государственными и негосударственными участниками социальной жизни. И третью, наименьшую группу, составили сторонники либеральной модели, исповедующие принципы индивидуальной социальной ответственности. Осуществленная социальная типизация данных групп засвидетельствовала, что они соответствуют основным слоям, составляющим социальную структуру современного российского общества, – нижнему, базовому и среднему слою соответственно. В связи с этим можно утверждать, что дифференциация идеалов социальной политики и образов ее наиболее приемлемых моделей сегодня во многом детерминирована типом социальной дифференциации. В то же время перспективы выбора модели социальной политики находятся в зависимости не только от степени массовости группы сторонников той или иной модели, но и от потенциальных возможностей каждой из групп оказывать влияние на стратегию и тактику социально-экономических преобразований в городе.

Поэтому в целом, оценивая складывающуюся ситуацию с точки зрения соотношения институциональных, реально-практических, социально-культурных, дискурсивных параметров, можно определить собирательный образ действующей ныне модели социальной политики в России как модели прогрессивно-адаптационной, которую наполняют две основные парадигмы: парадигма стратегического социального выбора прогрессивного характера и парадигма выживания. Это противоположные парадигмы, одновременная реализация которых определяет переходность данной модели, что является естественным в условиях социально-экономической трансформации общественной системы. Данная модель выполняет в настоящий период две целевые функции: с одной стороны, создание условий для выживания той части населения, которая не обладает достаточным потенциалом для самообеспечения и саморазвития, а с другой – апробация тех вариантов социальных реформ, которые накоплены опытом мирового сообщества, демонстрируют наибольшую социальную результативность, с целью выбора из их числа наиболее подходящих для нашего общества и определения их в качестве ключевых принципов отечественной модели социальной политики. Безусловно, это внутренне противоречивая модель социальной политики, так как в ней одновременно сходятся консервативная и перспективная стратегии: стратегия

сдерживания (выживания) и стратегия развития (стратегического, прогрессивного выбора).

Именно с этим связана противоречивость реальной социальной политики, демонстрируемая сегодня на практике. С одной стороны, наблюдаются попытки продекларировать и реализовать достаточно продвинутые реформы в отдельных отраслях социальной сферы и направлениях социальной политики, предполагающие эффективное взаимодействие государства, рынка и общественных институтов на основе максимизации стимулов их социальной ответственности. Но в то же время не менее реальна масштабная реализация мер компенсационного характера, пассивной социальной политики в форме постоянно расширяющегося перечня видов государственной социальной помощи, социальных льгот и льготников, находящихся под патронажем государства, что укрепляет иждивенческие настроения в массовом сознании, способствует формированию антистимулов к самообеспечению и производительному труду, сдерживает развитие индивидуальной социальной ответственности. Внутренняя противоречивость, парадоксальность и переходность данной модели на практике проявляется и в одновременной реализации двух противоположных тенденций. Одна из таких тенденций выражается в достаточно продвинутых относительно мирового уровня представлениях о приоритетности социальной политики, о ее первостепенности в деятельности государства и общества, о ее стратегическом характере, а другая представлена сохраняющимся традиционным отношением к социальной политике как к вторичной и затратной сфере, обеспечиваемой ресурсами по остаточному принципу. Разногласия теоретического, идеологического, политического, экономического характера тормозят процессы концептуализации и унификации социальной политики.

Но данную переходную модель нельзя считать устойчивой и перспективной. Поэтому вопрос остается пока открытым – вопрос о выборе, о конструировании модели социальной политики для России. Ответ предлагается искать на основе интегративной социологической методологии в поле более оптимальных соответствий между институтами, дискурсом и практиками социальной политики.